

Ван Юйфэй

**ПОЛИТИКА КИТАЯ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ**

DOI: 10.20542/2073-4786-2023-4-95-110

Статья поступила в редакцию 30.05.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 11.10.2023.

Введение

После введения в 1934 г. Д.Милдом в научный оборот в сфере социальной психологии концепции «роли» [1], современная ролевая теория стала одним из главных подходов при анализе индивидуальных или групповых поведений. В 1970 г. К.Холсти в своем новаторском исследовании впервые применил концепцию роли в исследовании международных отношений. Используя подходы текстового анализа, он рассмотрел более 900 документов и речей государственных деятелей по внешней политике 71 страны за период с 1965 по 1967 г. и выделил 17 типов концепций государственных ролей (national role conceptions), отметив, что эти концепции оказывают непосредственное влияние на внешнюю политику государства [2, pp. 239-247].

В своей статье Холсти представил новую рамку для анализа внешней политики страны, которая включала несколько компонентов: концепцию государственных ролей (высказывания политиков о том, какие виды решений, обязательств, правил и действий отвечают интересам их государств), имидж политиков, ролевое принятие (общая внешняя политика правительства), ожидания других правительств и общественного мнения [2, pp. 245-247].

Данный подход получил широкий резонанс в западном научном сообществе, появился ряд эмпирических исследований, основанных на ролевой теории. В частности, М.Гроссман определил более 11 аспектов роли, которую играла Россия с 1992 по 1998 г., полагая, что изменения государственных ролей тесно связано с трансформацией внешнеполитических ориентиров РФ [3]. В свою очередь Э.Каталинак, используя ролевую теорию, объяснила, почему реакция правительства Японии на иракскую войну 2003 г. существенно отличалась от ее реакции на первую Персидскую войну [4].

С начала второго десятилетия XXI века ролевой теории стали уделять внимание китайские международники – в своей статье Чэньюнь рассмотрел процесс трансформации государственной роли Японии после холодной войны и его влияние на изменение порядка в Северо-Восточной Азии; Ян Шуанмэй и Цзэн Сяунун обратили внимание на ролевые конфликты, генерируемые США в регионе Центральной Азии, их влияние на региональное управление [5].

Однако данная теория пока не привлекла внимания российского академического сообщества в исследовании международных отношений.

Данная статья призвана частично восполнить этот пробел. Используя теорию государственных ролей, автор анализирует взаимосвязь между китайскими государственными ролями в регионе и центральноазиатской политикой КНР, а также реакцию региональных правительств и гражданского общества на концепции китайских ролей. На основе этого анализа автор стремится предсказать возможные направления развития китайской политики в отношении стран Центральной Азии.

Роль Китая в регионе Центральной Азии

В данном разделе приводится анализ внешней политики Китая в отношении стран Центральной Азии за последние 20 лет с использованием теории государственной роли. В рамках такого анализа можно составить представление о том, в какой мере центральноазиатская политика Китая (т.е. ролевое восприятие КНР в ЦА) соответствует концепциям роли КНР в этом регионе.

Как упоминалось выше, текстовый анализ представляет собой основной метод определения концептуальной роли государства, поэтому уточнение источников текстов стало первым этапом ролевого исследования. Для определения концепции государственной роли КНР в ЦА в качестве основных источников для текстового анализа автор использовал все договоры и соглашения, подписанные между правительством КНР и пятью государствами Центральной Азии, которые доступны в соответствующей базе данных Министерства иностранных дел КНР [6].

Автор разделил эти договоры (более 40) на две группы: подписанные до и после 2013 г. Затем автор провел анализ частотности использования слов в текстах договоров каждой группы и определил наиболее часто встречающиеся ключевые слова, по которым можно судить о концепции роли Китая. Результаты анализа приведены ниже.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

При анализе текстов двух групп договоров было обнаружено, что между ключевыми словами в этих договорах существует высокая согласованность, что свидетельствует о том, что в течение последних 20 лет концепция роли Китая в Центральной Азии не претерпела сколько-нибудь значительных изменений. На основе текстового анализа выявлены четыре главные составляющие концепции государственной роли Китая в регионе ЦА: застройщик (developer); коннектор (connector); межправительственный кооператор (inter-governmental cooperator); участник управления системой региональной безопасности.

Застройщик

По мнению автора, концепция застройщика может рассматриваться с двух точек зрения: влияние китайско-центральноазиатских отношений на экономическое развитие КНР и влияние Китая на развитие экономики государств региона. Автор полагает, что эти два аспекта концепции проявились как в период с 2003 по 2012 г., так и после 2013 г., но в отдельные периоды времени акцент делался на разные факторы.

По статистике, с 1992 по 2012 г. товарооборот между КНР и государствами региона увеличился более чем в 100 раз – с 0,4 млрд до рекордных 45 млрд долл. [7]. В 2009 г. он в первый раз превысил объем товарооборота с РФ. Более того, китайские инвестиции в ЦА также переживали бурный рост. Например, в 2012 г. инвестиции КНР в Казахстане достигли 6,25 млрд долл., превысив уровень 2004 г. более чем в 250 раз [8].

В этот период также наблюдалось подлинное «экономическое чудо» Китая – с 2001 по 2012 г. средние темпы роста ВВП КНР составили 11,1% [9], что в 10 раз превышало показатель США. Естественно, бурный рост экономики привел к стремительному увеличению спроса на энергию. В 2010 г. зависимость Китая от импорта нефти составляла более 57% от объема потребления, а более 30% потребностей в природном газе также покрывались за счет импорта.

Таким образом, не удивительно, что в этот период энергетическое сотрудничество играло доминирующую роль в двусторонних отношениях между КНР и центральноазиатскими республиками: в 2012 г. Казахстан экспортировал в Китай более 10 млн т сырой нефти, которые составили 4% общего объема нефтяного импорта КНР [10, с. 49]. Поставки природного газа из Туркменистана достигли 51,4% от общего импорта природного газа КНР в 2012 г. [11].

Центральная Азия стала одним из важнейших поставщиков энергоресурсов в Китай, а КНР усиливала контроль над месторождениями углеводородов региона: в Казахстане в 2005 г. китайская национальная компания CNPC осуществила крупнейшее в истории приобретение предприятий, купив Казахстанскую нефтегазовую компанию за 4,2 млрд долл. В 2009 г. КазМунайГаз и компания CNPC завершили приобретение 100% акций АО «Мангистаумунайгаз» у компании Central Asia Petroleum [12].

Некоторые китайские частные компании также участвовали в этом процессе. Например, Синьцзян Guanghai Energy в 2009 г. осуществила покупку 49% акций ТОО «Тарбагатай Мунай», контролирующего месторождения газа в регионе Зайсана [13, с. 193], а в 2007 г. CNPC получила право на разработку газового месторождения на правом берегу реки Амударьи [14].

Кроме огромного объема инвестиций в энергодобывающем секторе, большое внимание уделялось формированию энергетической инфраструктуры — в 2004 г. началось строительство Казахско-китайского нефтепровода, который

рассматривается как первый китайский трансграничный нефтяной транзитный маршрут; в 2006 г. он был введен в эксплуатацию. В 2009 г. началась эксплуатация трубопровода Центральная Азия – Китай, обеспечивающего весь импорт газа со стороны ЦА в КНР. Можно сказать, что в первом десятилетии XXI века центральноазиатские энергопоставки играли ключевую роль в экономическом развитии КНР.

2013 г. нередко считается переломным в отношениях между Китаем и государствами региона. После того как была объявлена инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП), наблюдались медленные, но неуклонные изменения в китайском экономическом присутствии в Центральной Азии. Прежде всего необходимо отметить радикальное сокращение доли центральноазиатских энергетических ресурсов в китайском углеводородном импорте. По статистике, за последние 10 лет Казахстан в 2 раза сократил поставки нефти в Китай [15], а что касается природного газа, по данным на 2020 г., доля поставок из стран Центральной Азии составила около 28% от общего объема импорта газа в Китай. Это значительно меньше, чем соответствующие показатели 2012 г. [16].

В то же время Китай начал активно диверсифицировать свои инвестиции как по странам, так и по сферам. В 2012 г. около 80% китайских инвестиций в Центральной Азии приходились на Казахстан, а к 2021 г. доля РК сократилась на 50% [17]. С 2014 г. Китай сместил фокус своих инвестиций на вторичный сектор, особенно – на обрабатывающую промышленность: в 2014 г. во время визита в Казахстан премьер Госсовета КНР Ли Кэцян официально представил концепцию международного сотрудничества в области производственных мощностей [18, с. 63].

С точки зрения Дирк ван дер Клей, Китай практически начал индустриализировать государства ЦА, осуществив инвестиции в ряд проектов, способных производить продукты с более высокой добавленной стоимостью и экспортным потенциалом. Для работы на этих производствах все чаще привлекают работников из Центральной Азии, которые проходят техническое обучение в китайских фирмах [19]. Выводы этого исследователя подтверждены реальностью: в 2018 г. инвестиции Китая в производственный сектор Казахстана (2,1 млрд долл.) были близки к его инвестициям в сектор добычи энергоресурсов (2,6 млрд долл.) [18, с. 66]. В Сырдарьинской области Узбекистана китайская корпорация построила индустриальный парк, который обеспечил для местных жителей более 1000 рабочих мест [20, с. 138]. С помощью китайских инвестиций Таджикистан всего за пять лет перешел от импорта большей части потребляемого цемента к его экспорту. В 2018 г. страна произвела почти 4 млн. тонн цемента, в том числе, 1,4 млн. тонн – на экспорт [21].

Коннектор

Значительную часть времени на протяжении двух последних тысячелетий Центральная Азия, а не Китай, играла роль коннектора между западной и восточными цивилизациями. Благодаря ее уникальному географическому расположению ЦА рассматривается как один из главных посредников глобальной торговли в период средневековья. По мере ослабления роли Шелкового пути в глобальной торговле, Центральная Азия постепенно теряла свое, некогда уникальное положение в торговле между Западом и Востоком.

Завоевание Российской Империей в XIX веке и последовавший советский период полностью разрушили экономические связи Центральной Азии с его соседями и партнерами, включая Иран, Китай, Индию и другие. Только после обретения в 1991 г. суверенитета, государства ЦА вновь получили доступ к соседним регионам. В этих условиях восстановление своей прежней роли стало приоритетом для некоторых стран региона (в частности, Казахстана).

В свою очередь Китай, стремившийся обеспечить себе дешевый сухопутный торговый путь в Европу, также проявил интерес к транспортно-логистическому потенциалу Центральной Азии. В 1990-е гг. правительство КНР неоднократно выступало за укрепление транспортно-логистических связей между КНР и странами Центральной Азии, чтобы создать «Новый Шелковый путь» [22, с. 159–163]. В 1992 г. введение в эксплуатацию Второго евразийского сухопутного моста – железнодорожной магистрали, соединяющей китайский город Ляньюньган и европейский Роттердам через Казахстан – впервые в истории обеспечило странам Центральной Азии прямой доступ к незамерзающему Тихоокеанскому порту.

С начала XXI в. китайский капитал начал проникать в транспортно-логистическую сферу ЦА – с 2006 по 2012 г. объем китайских инвестиций там вырос почти в 40 раз [23, с. 71–75], началась реализация ряда масштабных инфраструктурных проектов, например автомобильной трассы Узбекистан–Таджикистан (2006); Международного транзитного коридора «Западная Европа – Западный Китай» (2008, Казахстан). В этот период китайская сторона также открыла пограничные пункты на границе с Таджикистаном и Киргизией (Курма и Иркештам).

Принятие концепции ОПОП в 2013 г. кардинально изменило позицию стран ЦА в китайской внешней стратегии. В своем выступлении в казахстанском университете в 2013 г. председатель КНР Си Цзиньпин отметил, что взаимосвязанность инфраструктур представляет собой один из пяти главных фокусов инициативы ОПОП [24], и это обусловило резкий скачок китайских инвестиций в транспортно-логистический сектор государств региона.

С одной стороны, КНР инвестировала и участвовала в целом ряде инфраструктурных проектов внутри региональных государств, например в строительстве автодороги Север–Юг в Киргизии (2014 г.); железнодорожного участка Вахдат–Яван в Таджикистане (2015 г.), железнодорожной линии Ангрэн–Пап в Узбекистане (2016 г.). С другой стороны, Китай преследует цель еще более укрепить взаимосвязь между ЦА и внешним миром. Яркими примерами этого считаются открытие в 2016 г. железнодорожного коридора Китай–Казахстан–Туркменистан–Иран [25] и новых трансевроазиатских логистических железнодорожных маршрутов, соединяющих Китай и Германию через Казахстан. По статистике, только за 2020 г. по ним проследовало более 12 400 поездов, объем грузоперевозок составил 1,135 млн. ДФЭ,¹ причем более 90% из них проходили через территорию Казахстана [26].

Участие в управлении региональной безопасностью

С древних времен Поднебесная участвовала в обеспечении безопасности в регионе ЦА. Создание наместничеств (протекторатов) империями Хань и Тан в сегодняшнем регионе ЦА можно рассматривать как раннюю форму организации системы региональной безопасности.

Вслед за ослаблением Поднебесной в XIX в., китайское присутствие постепенно отступило из ЦА. Однако уход Китая из региона не способствовал обеспечению безопасности и стабильности в западном Китае, а наоборот, сделал регион Центральной Азии одним из самых серьезных вызовов для безопасности Китая за последние 150 лет. Вторжение Якуб-бека из Кокандского ханства в Синьцзян в 1867 г. полностью лишило империю Цин контроля над своей западной границей. В свою очередь, раскол между СССР и КНР привел к ряду пограничных и межэтнических конфликтов на западной границе Китая.

Распад СССР в 1991 г. резко изменил ситуацию в сфере безопасности в Центральной Азии, создав как риски, так и новые возможности для КНР. С одной стороны, вывод советских войск из региона снизил традиционные угрозы безопасности западным границам Китая и упростил для КНР ведение пограничных переговоров с соседними Таджикистаном, Кыргызстаном и Казахстаном. С другой стороны, идеологический вакуум, возникший после распада СССР, способствовал росту национализма и религиозного экстремизма, которые до сих пор являются главными угрозами безопасности для китайского пограничного Синьцзян-Уйгурского автономного района.

Таким образом, после предварительного урегулирования пограничного вопроса с государствами региона в конце 90-х годов, в начале XXI в. КНР

¹ ДФЭ (аббревиатура от «двадцатифутовый эквивалент») – условная единица объема контейнерных перевозок, объем стандартного контейнера размерами 20 × 8 × 8 футов (6 × 2,4 × 2,4 м).

сосредоточилась на создании нового регионального института по снижению нетрадиционных вызовов безопасности – Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Эта организация, учрежденная Китаем, Узбекистаном, Россией, Казахстаном и Киргизией в 2001 г., выполняет функцию по укреплению безопасности в регионе.

В рамках ШОС КНР активно взаимодействует со странами региона. В течение последних 20 лет был сформулирован относительно полный юридический режим сотрудничества в сфере борьбы с нетрадиционными угрозами безопасности. В 2001 г. была подписана Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, которая четко определила ключевые понятия «трех зол», а также конкретные условия и процедуры сотрудничества. Концепция сотрудничества государств – членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, принятая в 2005 г., требовала от членов организации включить концепцию «трех зол» в свои внутренние правовые рамки в виде внутреннего законодательства [27, с. 75].

В практической сфере Китай также активно сотрудничает с государствами региона. В 2002 г. члены Шанхайской организации сотрудничества учредили Региональную антитеррористическую структуру ШОС (РАТС), которая отвечает за поддержание связей и координацию действий с компетентными органами государств – членов ШОС по вопросам борьбы с терроризмом, наркотиками и организованной преступностью [28]. Также с 2002 г. государствами – членами ШОС регулярно проводятся совместные военные учения, которые представляют собой еще одно важное достижение в совместной борьбе с антитеррористическими угрозами. Цель учений – координация действий государств – участников ШОС в борьбе с терроризмом и другими угрозами безопасности.

В последние годы КНР все больше демонстрирует стремление участвовать в системе региональной безопасности. С первого дня январского мятежа 2022 г. в Казахстане китайская сторона заявила о готовности предоставить «любую необходимую помощь Казахстану» [29], чего ранее при массовых беспорядках в других странах ШОС в Центральной Азии не наблюдалось. В апреле того же года тогдашний министр обороны Китая Вэй Фэнхэ посетил Туркменистан, где провел встречи с президентом С.Бердымухамедовым. Стороны заявили о готовности укреплять практическое военное сотрудничество [30], которое ранее в этой республике считалось исключительно прерогативой России и США.

Межправительственное сотрудничество

Вместо того чтобы рассматривать роль межгосударственного сотрудничества как отдельную независимую концепцию, можно рассматривать его роль, включающую три предыдущие роли. Из проведенного выше анализа следует, что на протяжении последних 20 лет сотрудничество между КНР и

странами ЦА в значительной мере было ограничено сферой межправительственных отношений. Негосударственные акторы, кроме бизнеса, редко участвовали и участвуют в китайско-центральноазиатском взаимодействии. Даже в сфере культурного обмена неправительственные акторы до сих пор играют менее важную роль, чем правительственные органы или институты с государственным спонсорством [31, сс. 162-165].

Реакция стран ЦА на активность КНР в регионе

Базируясь на упомянутых выше практиках внешней политики Китая, страны Центральной Азии формировали свои представления относительно роли Китая в регионе, которые носят крайне противоречивый характер. С одной стороны, на официальном уровне пять центральноазиатских республик выражают долгосрочную поддержку китайского присутствия в экономической сфере и в сфере безопасности ЦА. Период смены лидеров, начавшийся в регионе с 2016 г. (когда в Узбекистане Ш.Мирзиёев сменил И.Каримова), не изменил этого отношения – новые поколения лидеров государств региона поддерживают развитие китайско-центральноазиатского сотрудничества в рамках китайской инициативы ОПОП.

Логика здесь проста. Во-первых, инвестирование Китаем в масштабные инфраструктурные проекты полностью соответствует интересам государств региона по диверсификации импортно-экспортных маршрутов и обеспечению новых выходов к морю, которые из-за российско-украинского конфликта стали ключевым приоритетом для некоторых стран ЦА.

Недавно президент Казахстана К.-Ж.Токаев отметил, что в целях диверсификации транспортных маршрутов и развития логистики Казахстан до 2025 г. планирует привлечь еще 20 млрд долл. инвестиций [32]. После более чем 20-летнего ожидания, Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали исторический договор о строительстве железной дороги, связывающей эти страны [33]. Во-вторых, рост китайских инвестиций в промышленный сектор соответствует политике импортозамещения государств региона [34].

Однако со стороны общественного мнения сложилась совершенно иная ситуация. Согласно исследованию некоммерческого института «Центральноазиатский барометр», в течение последних 5 лет в общественном мнении центральноазиатских стран отношение к Китаю значительно ухудшилось: в Казахстане, Узбекистане и Киргизии количество респондентов, «скорее положительно» относящихся к Китаю, снизилось более чем на 10%, причем в Узбекистане – почти на 30% [35]. В другом исследовании этого института отмечается, что в последние годы число граждан в этих трех государствах, скептически относящихся к пользе китайских инвестиций в национальную экономику, также увеличилось [36].

Очевидны противоречия между ролями КНР в регионе и ожиданиями населения ЦА по отношению к ним, что неизбежно оказывает негативное

влияние на китайское присутствие в данном регионе. Так, в 2016 г. в Казахстане прошел массовый антикитайский митинг из-за попытки властей изменить Земельный кодекс [37]. Осень 2019 г. в Казахстане ознаменовалась волной антикитайских протестов [38]. В Киргизии, кроме постоянных конфликтов между китайскими добывающими компаниями и местным населением, во время беспорядков в октябре 2020 г. многие китайские бизнесы подверглись нападениям, китайским женщинам угрожали изнасилованием, мужчины избивались, китайские флаги сжигались [39].

Причины, по которым три ключевые государственные роли Китая не были приняты общественным мнением Центральной Азии, можно разделить на две группы – исторические и практические. В XVII–XVIII вв. конфликты между Казахским и Джунгарским ханствами нанесли огромный ущерб казахскому народу. Некоторые трагические события, например Актабан шұбырынды (Годы великого бедствия), стали частью общей исторической памяти. Китайская Цинская империя, уничтожившая Джунгарское ханство в 1758 г., также оставила негативный след в исторической памяти казахов.

Таким образом, неудивительно, что память об этих конфликтах наложила отпечаток на восприятие рядовыми казахстанцами Китая [40, сс. 103–104]. Кроме того, российские и зарубежные исследователи отмечают, что во время советско-китайского противостояния советское руководство предприняло ряд действий в целях демонизации Китая и подогревания антикитайских настроений [40, с. 104; 41, с. 107]. КНР естественно стала главной угрозой пограничной безопасности СССР, иными словами – угрозой для Средней Азии и Казахстана.

Даже распад СССР не изменил такое отношение к Китаю. Наоборот, вопросы демаркации границ стали новым предлогом для синофобии. Ряд договоров, заключенных в XIX веке, создал почву для последующих территориальных споров. После распада СССР возникла необходимость урегулирования территориальных проблем между Китаем и тремя соседними с ним центральноазиатскими республиками (Киргизией, Таджикистаном и Казахстаном).

Хотя в ходе переговоров китайская сторона добровольно отказалась от большинства спорных территорий (66% – с Казахстаном, 33% – с Киргизией и 95% – с Таджикистаном [41, с. 108]), с точки зрения общественного мнения этих стран их правительства «продали» свои земли восточному соседу. В результате предубеждения в отношении Китая усугублялись, а любые попытки участия КНР в системе региональной безопасности нередко воспринимаются как «китайская экспансия».

Негативные факторы, влияющие на отношение населения стран ЦА к роли КНР как «участника в управлении региональной безопасностью», более всего проявились в последние годы, причем эти факторы носят не идеологический, а практический характер. Ухудшение отношения к Китаю показали, например, социологические опросы, проведенные среди студентов

Казахстана. При сравнении результатов опросов 2014 и 2021 гг. становится очевидным, что процент респондентов, считающих, что Китай оказывает негативное или очень негативное влияние, значительно возрос – в 2014 г. этот показатель составлял 4,7%, а в 2021 г. он увеличился до 37,7% от общего числа опрошенных [42, р. 84].

В течение последних пяти лет целый ряд факторов негативно сказался на имидже китайских компаний и инвестиций. А.Титаренко отмечает, что затягивание реализации известного «проекта 55 предприятий» в рамках ОПОП разрушило доверие казахстанского населения к китайским инвестициям. В то же время в силу непрозрачности этих проектов в стране все шире распространяется мнение, что Китай перенес в Казахстан в 2016 г. избыточные мощности, а не высокотехнологичные производства [40, с. 106].

Сообщения СМИ о значительном ущербе окружающей среде, причиняемом китайскими компаниями в регионе, также существенно подорвали их репутацию [43; 44]. Кроме того, левые активисты обвиняют китайский капитал в эксплуатации местных рабочих [40, с. 107]. Таким образом, не удивительно, что в общественном сознании отношение к роли Китая как «застройщика» заметно ухудшилось. И, наконец, ковидные карантинные меры, проведенные в КНР, особенно в СУАР, в течение последних трех лет практически блокировали перевозку товаров между Китаем и соседними центральноазиатскими странами [45; 46]. Сложившаяся ситуация превратила китайскую роль «коннектора» в пустой лозунг.

* * *

В первой части данной статьи на основе анализа содержания договоров, подписанных между КНР и центральноазиатскими республиками в период с 2003 по 2022 г., автор определил 4 ведущие государственные роли Китая в регионе ЦА и рассмотрел взаимосвязь между политическими практиками в отношении стран ЦА и ролями КНР в этом регионе. Во второй части статьи автор показал многообразие реакций правительств и гражданского общества стран ЦА на государственные роли, которые играет в регионе КНР. Проведенный анализ позволяет спрогнозировать дальнейшее развитие внешней политики КНР в отношении стран ЦА.

С одной стороны, анализ частотности ключевых слов в текстах договоров, подписанных до и после 2013 г., показывает, что между ключевыми словами, содержащимися в договорах, подписанных в разные периоды времени, существует высокая степень согласованности. Это свидетельствует о том, что смена руководства Китая (с Ху Цзиньтао на Си Цзиньпина) не привела к сколько-нибудь значительным изменениям роли Китая в Центральной Азии. Согласно теории государственных ролей, стабильные государственные роли КНР в Центральной Азии обеспечивают устойчивость китайской внешней политики в этом регионе.

С другой стороны, реакция стран Центральной Азии на роли Китая показала явное противоречие между настроениями гражданского общества и позициями правительств стран региона, что негативно сказывается на устойчивости китайских государственных ролей в Центральной Азии. Учитывая эти факторы, автор предлагает два наиболее вероятных сценария дальнейшего развития политики Китая в отношении государств региона.

В рамках позитивного сценария, если в среднесрочной и долгосрочной перспективе авторитарные режимы стран ЦА обеспечат свой контроль над обществом, а КНР успешно проведет мероприятия по улучшению своего имиджа среди населения региона, то ожидания стран ЦА будут позитивно взаимодействовать с концепциями ролей Китая в регионе и в итоге будут способствовать укреплению этих ролей. Таким образом, в средне- или долгосрочной перспективе китайская политика в ЦА не претерпит серьезных изменений.

В рамках негативного сценария, если авторитарные режимы региональных государств в будущем не смогут справиться с растущими общественными волнениями или даже будут свергнуты (подобные ситуации неоднократно возникали в странах региона за последние 5 лет), и в то же время Китай не сможет улучшить свой имидж у населения региона, то отношения между КНР и правительствами государств ЦА могут стать жертвой политического компромисса или перегруппировки элит государств Центральной Азии. Это может кардинально изменить роли Китая в регионе и создать большую неопределенность для политики КНР в отношении стран ЦА.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Mead G H. 1934. *Mind, Self, and Society from the Standpoint of a Social Behaviorist*. University of Chicago Press: Chicago.
2. Holsti K. J. 1970. National Role Conceptions in the Study of Foreign Policy // *International Studies Quarterly*. Vol. 14. No. 3. P. 233–309.
3. Grossman M. 2005. Role Theory and Foreign Policy Change: The Transformation of Russian Foreign Policy in the 1990s // *International Politics*. Vol. 42. No. 3. P. 334–351.
4. Catalinac. A. 2007. Identity Theory and Foreign Policy: Explaining Japan's Responses to the 1991 Gulf War and the 2003 U.S. War in Iraq // *Politics & Policy*. Vol. 35. No. 1. P. 58–100. URL: https://scholar.harvard.edu/files/amycatalinac/files/pp_2007.pdf (дата обращения 07.05.2023).
5. Ян Шуанмэй, Цзэн Сянун. 2020. Гоцзяцзюэсэцзяньчунтудэиндуй и мэйго цаньйой чжуньяцйой юйчжиливэйли [Урегулирование конфликтов между ролями государств на примере участие США в региональном управлении в Центральной Азии] // *Элосьяньцзю*. No. 5. С. 144–167. (На кит.

яз.)

6. Жунхуажэньминьгунхэго тьяоэшуцзюйку [База данных о договорах и соглашениях Министерства иностранных дел КНР] // Официальный сайт Министерства образования КНР. URL: <http://treaty.mfa.gov.cn/web/index.jsp> (дата обращения: 07.05.2023). (На кит. яз.)

7. Чжунго юй чжунъяуго маоигуймо цзэнбайбэй, чжуаньцзячэнши шуанфанхэцзоцянли дэ тисьянь [Торговля Китая с пятью странами Центральной Азии увеличивается в 100 раз, что отражает потенциал сотрудничества между двумя сторонами] // people.com. 10.06.2013. URL: <http://politics.people.com.cn/n/2013/0610/c1001-21810024.html> (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)

8. 2012 няньду чжунго дуйвайчжицзетоуцзы тунцзигунбао [Статистический бюллетень за 2012 год по прямым иностранным инвестициям Китая] // Официальный сайт Министерство коммерции КНР. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/201512/20151204085256581.pdf> (дата обращения 15.12.2022). (На кит. яз.)

9. Чжунмэйчжили цзисяо бицзяо [Сравнение эффективности управления между США и Китаем (2000–2012)] // theory.people.com.cn. URL: <http://theory.people.com.cn/n/2014/0825/c388253-25533300.html> (дата обращения 15.12.2022). (На кит. яз.)

10. Тянь Чунь Жун. 2012нянь чжунго шию хэ тяньжаньци цзиньчукоучжуанкуан фэньси [Анализ ситуации с импортом и экспортом нефти и газа в Китае в 2012 году] // Гоцзишиюцзинци. No 3. С. 44–55. (На кит. яз.)

11. 2012нянь чжунго тяньжаньци цзинькоулайюаньго цзи цзинькоуЛян [Страны происхождения и объем импорта природного газа в Китай в 2012 году] // china5e.com. 26.06.2013. URL: <https://www.china5e.com/news/news-342770-1.html> (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)

12. Mariani B. China's Role and Interests in Central Asia // ethz.ch (Archive). October 2013. URL: <https://www.files.ethz.ch/isn/172938/chinas-role-and-interests-in-central-asia.pdf> (дата обращения 07.05.2023).

13. Чжунго юй чжунъядицойгоцзя гуаньси яньцзю [Исследование по отношениям между КНР и странами Центральной Азии] (под ред. Пань Чжи Пин). 2018. Пекин: Издательство экономики и науки. (На кит. яз.)

14. Чжунго фэньгэн шицз цзуйдацитянь чжуншию ходэ цзуаньтань цюань [Китай получает долю в крупнейшем в мире газовом месторождении PetroChina выигрывает права на бурение] // ifeng.com. 15.05.2007. URL: https://finance.ifeng.com/news/domestic/200705/0515_193_117826.shtml (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)

15. Официальный сайт главного таможенного управления КНР. URL: <http://stats.customs.gov.cn/> (дата обращения: 07.05.2023). (На кит. яз.)

16. Гунсюйцопэйтяньжаньцицзягэвэйчигаовэй, чжунгогэцзюйсянхао

[Несоответствие спроса и предложения. Цены на газ остаются высокими на фоне улучшения ситуации в Китае] // Sinolink securities. URL: https://pdf.dfcfw.com/pdf/H3_AP202111301532010036_1.pdf? 1638284730000.pdf (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)

17. 2012 няньду чжунго дуйвайчжицзетоуцзы тунцзигунбао [Статистический бюллетень за 2012 год по Прямым иностранным инвестициям Китая] // Официальный сайт Министерство коммерции КНР. URL: <http://images.mofcom.gov.cn/fec/201512/20151204085256581.pdf> (дата обращения 15.12.2022). (На кит. яз.)

18. Чжан Дун, Шао Ян, Дун Ли. 2019. Идайилу бэйцзинся чжунха чаньнэнхэцзо яньцзю [Исследование китайско-казахстанского сотрудничества в области производственных мощностей в контексте «Один пояс, один путь»] // Оуяцзинци. No 2. С. 62–81. (На кит. яз.)

19. Как и почему Китай помогает индустриализировать Центральную Азию // Central Asian Analytical Network. 20.10.2021. URL: <https://www.caa-network.org/archives/22283> (дата обращения 07.05.2023).

20. Ху Б, Фэн П. 2020. Идайилучанься гоцзицзюйцзинцихэцзочжичжизяньшэ – И чжу го–уцзы бекэсытань хэцзо вэйли [Международный механизм регионального экономического сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь» – на примере сотрудничества Китай–Узбекистан] // Гуансишифаньдасюэ сюэбао. No 5. С. 128–146. (На кит. яз.)

21. Potential air pollutant exempted from paying income tax. ASIA-PLUS. 03.10.2019. URL: <https://www.asiaplustj.info/en/news/tajikistan/economic/20191003/potential-air-pollutant-exempted-from-paying-income-tax> (дата обращения 07.05.2023).

22. Син Г. 1996. Чжунго хэ синьдулидэчжуньягоцзягуаньси [Отношение между Китаем и новыми независимыми государствами Центральной Азии]. Ханчжоу: Издательство Ханчжоуского университета. (На кит. яз.)

23. Го Х. 2017. Идайилу бэйцзинся чжунго юй чжунья дицзюй дэ тоуцзыхэцзо—цзиной цзяотунцзичу шэшитоуцзы дэ шицзю [Инвестиционное сотрудничество между Китаем и Центральной Азией в контексте инициативы «Один пояс, один путь» – Перспектива, основанная на инвестициях в транспортную инфраструктуру] // Гоцзицзинцихэцзо. No 2. С. 71–75. (На кит. яз.)

24. Укреплять дружбу народов, вместе строить светлое будущее. Выступление Председателя КНР Си Цзиньпина в Назарбаев университете // Официальный сайт Посольства КНР в РК. 16.09.2013. URL: http://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/201309/t20130916_1045309.htm (дата обращения 07.05.2023).

25. Чжунго хасакэсытань тукуманьсытаньилан ди и ле хочэ шиюньсин [Первый поезд Китай–Казахстан–Туркменистан–Иран совершил

- пробный рейс] // chinca.org. 02.16.2015. URL: <https://www.chinca.org/cica/info/52474> (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)
26. Чжан Вэнь Синь. Ин Гуаньчжу хасакэсытань цзовэй ЧжуньюоБаньЛе чжуньюо цзедяньгоцзя дэ юньинцинкуан [Следует обратить внимание на работу Казахстана как важной узловой страны в Trans Eurasia Logistics] // pishu.cn. URL: <https://www.pishu.cn/psgd/581382.shtml> (дата обращения 07.05.2023). (На кит. яз.)
27. Шанхайхэцзоцзучжи яньцзю [Исследование по Шанхайской организации сотрудничества] (под ред. Син Г., Сунь Ч.). 2007. Чанчунь: Чанчунское издательство (На кит. яз.)
28. Краткие сведения о Региональной антитеррористической структуре Шанхайской организации сотрудничества // China.org. URL: <http://russian.china.org.cn/russian/225508.htm> (дата обращения 07.05.2023).
29. Kazakh FM: We had no choice but to call the Russian troops // Euractiv. 18.01.2022. URL: <https://www.euractiv.com/section/central-asia/news/kazakh-fm-we-had-no-choice-but-to-call-the-russian-troops/> (дата обращения 07.05.2023).
30. Китай укрепит военные связи с Туркменистаном // EurasiaToday. 15.04.2022. URL: <https://www.eurasiatoday.ru/picture-of-the-day/8743-%d0%ba%d0%b8%d1%82%d0%b0%d0%b9-%d1%83%d0%ba%d1%80%d0%b5%d0%bf%d0%b8%d1%82-%d0%b2%d0%be%d0%b5%d0%bd%d0%bd%d1%8b%d0%b5-%d1%81%d0%b2%d1%8f%d0%b7%d0%b8-%d1%81-%d1%82%d1%83%d1%80%d0%ba%d0%bc%d0%b5%d0%bd%d0%b8%d1%81%d1%82%d0%b0%d0%bd%d0%be%d0%bc.html> (дата обращения 07.05.2023).
31. Ван Юйфэй. 2022. Практика публичной дипломатии КНР в Центральной Азии: современное состояние, вызовы и перспективы развития // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. Т. 14. № 4. С. 145–172.
32. Казахстан заинтересован в диверсификации транспортных маршрутов – Токаев // total.kz. 11.11.2022. URL: total.kz/ru/news/vneshnyaya_politika/kazahstan_zainteresovan_v_diversifikatsii_transportnih_marshrutov_tokaev_date_2022_11_11_12_35_56 (дата обращения 07.05.2023).
33. Китай, Кыргызстан и Узбекистан подписали исторический договор о прокладке железной дороги // Eurasianet. 15.09.2022. URL: russian.eurasianet.org/китай-кыргызстан-и-узбекистан-подписали-исторический-договор-о-прокладке-железной-дороги (дата обращения 07.05.2023).
34. О Государственной программе содействия экспорту и импортозамещению в Республике Таджикистан на 2016–2020 годы // Законодательство стран СНГ. URL: https://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=91605 (дата обращения 07.05.2023).
35. Woods E., Baker T. Public opinion on China waning in Central Asia //

The Diplomat. 05.05.2022. URL: <https://thediplomat.com/2022/05/public-opinion-on-china-waning-in-central-asia/> (дата обращения 07.05.2023).

36. Poll shows Uzbeks, like neighbors, growing leery of Chinese investments // Eurasianet. 22.10.2020. URL: <https://eurasianet.org/poll-shows-uzbeks-like-neighbors-growing-leery-of-chinese-investments> (дата обращения 07.05.2023).

37. Страх перед Китаем вывел людей в Казахстане на улицы // BBC News. 29.04.2016. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2016/04/160429_kazakhstan_land_rent_p_rotests (дата обращения 07.05.2023).

38. Антикитайская осень. Почему власти Казахстана не справляются с протестами против Китая // carnegiemoscow. 28.10.2019. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/80155> (дата обращения 07.05.2023).

39. China business briefing: Not happy with Kyrgyzstan // Eurasianet. 03.11.2022. URL: <https://eurasianet.org/china-business-briefing-not-happy-with-kyrgyzstan> (дата обращения 07.05.2023).

40. Титаренко А. 2020. Антикитайские настроения в Казахстане: бытовая синофобия, интересы элит, внешнее влияние // Россия и новые государства Евразии. № IV (XLIX). С. 103–115

41. Owen C. 2017. The Sleeping Dragon Is Gathering Strength: Causes of Sinophobia in Central Asia // China Quarterly of International Strategic Studies. Vol. 3. No. 1. P. 101–119.

42. Neafie J. 2022. Anti-Chinese Sentiment, the BRI, and COVID-19: Kazakhstani Perceptions of China in Central Asia // Central Asia and the Covid-19 Pandemic. The Steppe and Beyond: Studies on Central Asia (ed. by Caron J.F., Thibault H). Palgrave Macmillan, Singapore. P. 75–96.

43. Китайские бизнесмены знают, что такое «крыша» в Казахстане // exclusive.kz. 29.03.2023. URL: <https://exclusive.kz/kitajskie-biznesmeny-znayut-cto-takoe-krysha-v-kazahstane/> (дата обращения 07.05.2023).

44. «Загрязняют воздух». Казахстанско-китайские предприятия и их секреты // Радио Азаттык. 05.11.2021. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakhstan-chinese-plants/31546318.html> (дата обращения 07.05.2023).

45. Почему на границе Казахстана и Китая до сих пор сохраняются пробки тана? // kursiv.media. 03.11.2022. URL: <https://kz.kursiv.media/2022-11-03/pochemu-na-granice-kazahstana-i-kitaya-do-sih-por-sohranyajutsya-probki/> (дата обращения 07.05.2023).

46. Грузовые вагоны из Казахстана не могут пробить «китайскую стену». Что пытается сказать Пекин? // Радио Азаттык. 23.04.2021. URL: <https://rus.azattyq.org/a/kazakh-exporters-lose-money-to-china-anti-coronavirus-regime/31218507.html> (дата обращения 07.05.2023).